

Вадерій Сибікин

Птичий Полонез

Валерий Дмитриевич Сибикин

Птичий полонез

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28062167

ISBN 9785449008176

Аннотация

«Птичий полонез» – книга для детей школьного возраста. В ней ничего не выдумано, она есть результат удивительных наблюдений автора за природой. Особенностью книги является то, что рисунки к новеллам и рассказам из неё сделаны учащимися детской Школы Искусств города Мыски.

Содержание

ПОСВЯЩАЮ	6
ОТ АВТОРА	7
АВТОБИОГРАФИЯ СИБИКИНА ВАЛЕРИЯ ДМИТРИЕВИЧА	9
ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ	17
ВОРОБЬИНЫЙ ДУШ	22
ЛЕСНАЯ САНЭПИДСТАНЦИЯ	28
ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА	33
ВОТ ЭТО ДРУЖБА!	45
ЗНАМЕНОСЕЦ ВЕСНЫ	51
ЖАВОРОНКИ	59
ИВУШКА	70
КАК ПОЮТ ДРОЗДЫ	72
ЛОСИНЫЙ РОДНИК	82
РАСКОЛДОВАННЫЙ ПРУД	88
ПЕРНАТЫЕ РАЗБОЙНИКИ	93
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Птичий полонез

**Валерий Дмитриевич
Сибикин**

© Валерий Дмитриевич Сибикин, 2017

ISBN 978-5-4490-0817-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Валерий Сибикин

ПОСВЯЩАЮ

Посвящаю эту книгу моим любимым внукам Максиму и Илье Сунцевым. Много в этой книге появилось благодаря их участию. Это восторги и радость моих внуков, маленьких тогда еще первооткрывателей многих тайн природы, лежат в основе ряда моих новелл и рассказов. Благодаря детскому интересу и любопытству я попадал в миры, полные волшебства, и открывал их дивные тайны. И теперь точно знаю, почему люди так ждут и так рады появлению у них внуков и внучек.

Валерий Сибикин

ОТ АВТОРА

Благодарю всех россиян, которые поддерживали во мне веру в моё писательское призвание, присылая в мой адрес и в редакции изданий свои отзывы о моих печатавшихся произведениях.

Выражаю огромное спасибо Кемеровскому отделению Союза писателей России, в своё время оценившему мои произведения как достойные быть представленными на Всероссийском семинаре детских писателей в Пицунде.

Сердечна благодарность моя Всероссийскому журналу «Роман-Газета» и его редактору – известному Российскому писателю Гарию Леонтьевичу Немченко, дважды удостоившим публикаций моих рассказов о природе.

Книга «Птичий полонез» необычна тем, что иллюстрации к ней написали дети – воспитанники Мысковской Детской школы искусств. Есть такой уютный чудесный городок на юге Кузбасса, в прекрасной Горной Шории, за величественную красоту прозываемую Сибирской Швейцарией. Произведения детей, на мой взгляд, куда важнее иллюстраций, которые могли бы сделать художники-профессионалы. Ведь дети, как известно, напрямую общаются с Ангелами и с самим Богом. А значит, в их видении действительности присутствует Божий след. И я выражаю особую признательность моим юным сотворцам – художникам, чьи имена вы

прочтёте под иллюстрациями к книге.

Валерий Сибикин

АВТОБИОГРАФИЯ СИБИКИНА ВАЛЕРИЯ ДМИТРИЕВИЧА

Родился в селе Поповка Тамбовской области 1 января 1942 года в семье крестьян. В 1953 году моя мать со мною и тремя моими сёстрами по спецпереселению переехала в Амурскую область, поднимать сельское хозяйство. В городе Белогорске (бышем Куйбышевке-Восточной) я закончил 8 классов школы и начал трудовую деятельность.

В 1958 году в компании пятерых друзей приехал с Амура в Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области, чтобы... стать шахтёром! Такова в то время была романтика – трудиться в самых тяжких условиях. И все пятеро шестнадцатилетних: Владимир Шальнов, Геннадий Брацунов, Виктор Сороковых, Валентин Геращенко и я были приняты в двухгодичное Горно-Промышленное училище (ГорПУ 8). Его окончил я в 1960 году и был сразу занесён на областную Доску Почёта, как закончивший ГорПУ с отличием.

Боже! С каким душевным теплом я и мои «амурские кузбассовцы» вспоминаем ГорПУ – 8! Как нас там лелеяли и учили жизни. Какое родительское отношение испытывали мы, все четыреста воспитанников этого «родного дома». И город Ленинск-Кузнецкий гордился училищем. Это виделось во всём, особенно когда мы в парадной шахтёрской

форме под звуки своего оркестра (в котором, кстати, играл и я), чеканили шаг на праздничных демонстрациях, когда город направлял в нашу столовую лучшие продукты, когда на шахтах строгие начальники нас, направленных на практику, принимали и опекали как родных детей, влюбляя в тяжёлый шахтёрский труд.

Как выпускник-отличник я был направлен в трест «Кузбассшахтаавтоматика» – первую в Кузбассе организацию, занимавшуюся работами по автоматизации шахт, и принимал участие в автоматизации шахтных систем на Ленинск-Кузнецком руднике. Работал, видимо, неплохо, поэтому был назначен мастером электроцеха по ремонту и наладке шахтного оборудования в Центральные электромеханические мастерские г. Ленинска-Кузнецкого.

Работая мастером этого цеха, одновременно обучался в вечерней школе, окончив ее в 1962 году. В этом же году поступил в Новокузнецкий Государственный Педагогический институт на только что появившийся в стране инженерно-педагогический факультет, который окончил в 1967 году, и взял распределение в город Мыски. Туда же взяла распределение и моя супруга Людмила Евгеньевна – учитель немецкого языка. Здесь, в Мысках, у нас родилась, окончила среднюю общеобразовательную и Детскую музыкальную школу дочь Елена. Впоследствии она закончила Кемеровский институт пищевой промышленности и ныне успешно трудится технологом на Пермской кондитерской фабрике.

Дочь и зять, Александр Викторович Сунцевы подарили нам двоих прекрасных внуков. Старший, Максим, в 2016 с золотой медалью закончил среднюю школу и стал студентом Высшей Школы экономики. Младший, Илья, оканчивает среднюю школу, и тоже с прекрасными результатами. Максим в свои юные годы стал неоднократным чемпионом России по плаванию, победителем пермских городских и краевых олимпиад по химии и биологии. Но более всего разбирается он в компьютерных технологиях. Младший, Илья, что называется, «наступает на пятки» старшему брату. Только вместо спорта он занимается музыкой (аккордеон и гитара) и выступал уже в составе ансамблей в Сочи и Болгарии.

С первых годиков своей жизни внуки находились каждое лето у нас, у их дедушки с бабушкой, в Мысках. Куда только не заносила нас неугомонность внуков и их любознательность, поощряемые мной с бабушкой! Столько открытий было сделано нами в нашей сибирской природе, природе Горной Шории! И многие из них стали «строительным материалом» для моих новелл и рассказов в этой книге.

В Мысках я работал в общеобразовательных школах преподавателем физики, электротехники и трудового обучения. Более восьми лет преподавал в Томь-Усинском энергостроительном техникуме технические дисциплины: техническую механику, технологию металлов и металловедение.

Природа Кузбасса, и особенно природа Горной Шории,

молодое бурление зарождающегося индустриального города Мыски зажгли во мне писательскую искру, и в начале 80-х годов прошлого века я стал публиковать свои новеллы и рассказы в областных изданиях. Вскоре меня пригласили на областной семинар молодых литераторов, где моё творчество было оценено как серьёзное. Кемеровская областная писательская организация направила меня на Всероссийский семинар детских и юношеских писателей в Пицунду.

Мои произведения публиковались в кузбасских газетах, в областном альманахе «Огни Кузбасса», дважды во всероссийском журнале «Роман-газета». Я был участником коллективного сборника произведений молодых литераторов Кузбасса «День обещает быть хорошим». О моих произведениях публично очень тепло отзывались ведущие писатели Кузбасса Владимир Куропатов и Геннадий Емельянов, называвшие меня кузбасским Бианки и кузбасским Пришвиным. Они и дали мне «путёвку в литературу». Оба они бережно пестовали во мне писательские способности и очень старались удержать меня от занятий политикой и журналистикой, усматривая в них губительные начала для художественного мышления. Но... уйдя с преподавательской работы, я стал именно журналистом. За общественно-резонансные публикации в защиту закона и справедливости был дважды удостоен почётного звания «Лауреат премии журналистов Кузбасса».

Как журналист написал книгу «Мыски», в которой с лю-

бовью рассказал о ставшем мне родным городе, о его замечательных людях, воистину выполнявших индустриально-культурную миссию на планете, и благодарен судьбе за то, что она свела меня с такими людьми и обстоятельствами. А таких людей в рождающемся городе, бурлившем энергией первостроителей, людей огромного душевного порыва и комсомольской, не побоюсь сказать, лихости, в Мысках было... Да все Мыски были из них!

Мыски город небольшой. Всего сорок пять тысяч жителей. Но в нём выстроены крупнейшая за Уралом тепловая электростанция – Томь-Усинская ГРЭС, здесь построена одна из крупнейших в мире углеобогатительных фабрик – ЦОФ «Сибирь» с технологиями 21 века. Построен Томусинский завод железобетонных конструкций, идущих в пятьдесят шесть стран мира, в Мысках открыты крупные угольные разрезы «Сибиргинский», Казасский, «Южный». Здесь крупный завод стройматериалов и металлоконструкций. И всё это, строившееся, проходившее пору становления в годы моей юности и зрелости, моей сопричастности не могло не оказать на меня своего влияния.

Основное же и несравнимое богатство для души – природа Мысков и его окрестностей. Это неповторимая по красоте Горная Шория. Приезжающие европейцы называют её сибирской Швейцарией. Да. Но, в отличие от пленённой цивилизацией Швейцарии, Горная Шория поражает красотой первозданной, прелестью непуганых птиц и дикого живот-

ного мира, разлитым серебром горных рек, музыкой летящих из-поднебесья потоков. Здесь сокрыты реликтовые энергии древней Гипербореи. И есть их материальные останцы в виде волшебных дольменов, стоунхенджей и пирамид.

Какой город, к примеру, может похвалиться двенадцатью реками, протекающими по его территории. А в Мысках они – вот они! Звенящие, целительные и пленяющие! Горы, нехоженая черно-лиственнная тайга! Не влюбиться в такую красоту просто невозможно! И она не могла не зажечь во мне любви к природе, в чём и состоит моё главное писательское призвание.

В соавторстве с Борисом Ханаевым издал исследовательскую книгу «Сергей Есенин и женщины» об обожествляемом мною поэте – моём земляке. Почему о Есенине? Село в Тамбовской области, где родился я, отстоит от села Константиново, где родился Сергей Есенин, всего на 140 километров. И всё в поэзии Есенина мне понятно и настроено на мои сердечные струны, поскольку мы с ним – плод единой народной культуры и традиций, одного народного языка. Я с самого детства ощущал каждое движение души Великого поэта и любил и люблю до неизъяснимого трепета его поэзию, неповторимую нигде на нашей планете. Думаю, что это именно она прорывается и во мне какими-то крохами и подвигает меня, как сказано у Есенина: «Петь по-свойски. Даже как лягушка».

Деятельность журналиста с активной жизненной позици-

ей, создававшего резонансные публикации в защиту добра и справедливости, привела меня к депутатской судьбе, о которой, говоря как на духу, я и не помышлял. И даже боялся, внимая предостережениям писателей – моих наставников Владимира Куропатова и Геннадия Емельянова. Но в 1990 году мою кандидатуру выдвинул на выборы в Облсовет депутатов коллектив Томь-Усинской ГРЭС, и большая делегация грэсовцев явилась ко мне с убедительной просьбой стать представителем их интересов в этом высшем в Кузбассе органе власти. И я не смог отказать моим землякам, думая: «С литературой ещё успеется, какие мои годы»...

В этом 1990 году я был избран сразу в два Совета народных депутатов разных уровней: в Кемеровский областной и Мысковский городской. В Мысковский Совет я затем избирался ещё трижды. А когда в России появился первый Президент государства, я был назначен помощником представителя Президента России по Кузбассу. И как мог, служил людям и своему городу.

Несмотря на огромную занятость депутата, я продолжал заниматься писательской деятельностью. Правда, писал «в стол». И на сей день мною сделаны четыре книги. «Птичий полонез» – третья, которую читатели, держат в руках, и уже сейчас они могут встретиться с четвёртой моей книгой – книгой о природе «Лунные пастухи». Она вышла в бумажном варианте в кузбасском книжном издательстве и перерабатывается мною в электронный вид.

Автор с внуками Ильей и Максимом

ВЕСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Весеннее настроение. Машева Катя, 12 лет

Мартовские каникулы! Мы с Мишкой идём на лыжах на берег Томи. Эх, там есть где покататься! С круч на берегах. И там взрослые всегда трамплины делают и лыжню снегоходом со специальными прицепленными к нему санями. По этой лыжне мы и шагаем не спеша. Надо же нам учиться с трамплинов летать. И на реке сейчас должно быть интересно.

Обычно мы с Мишкой любим болтать о том да этом, о всякой всячине, а сегодня идём молча. Наслаждаемся тишиной, теплом и солнцем.

До настоящей весны ещё далеко, а первые вестники её уже появились. Распахнулась над головой прозрачная лазурь, хлынули через небесные окна потоки света, а сами небеса точно присели на подсиненные снега.

Потемнели на раскатах наезженные зимники, которые нам приходится пересекать, набух и подсел снег, что ближе к дорогам. Зимой снег не пахнет. А вот сейчас уже чувствуется в воздухе его запах.

Вздувающимися почками окропили синеву неба встречающие нас берёзы и высветлились белию стволов. Ещё вчера дальний лес выступал чёрной громадой, а сегодня он всю окутан синим дымом. Это зазеленела кора у осин. Лес просыпается, начинает дышать. И, точно улыбкой, сквозь чуткий да сладкий сон озарилась наша сибирская природа.

На солнечной стороне звонко застрочили капелью крыши

домов. По отмякшим дорогам заскакали синицы, выклёвывающая вытаивающую из дорог съедобу. Голосиста в эти дни их радость. Да и к одёжкам их приглядываемся...

– Смотри, Витька, показывает Мишка на синиц на наезженной дороге, когда мы её пересекали, – какие-то уже не такие синички-то. Краски те же, но уже не такие тона у красок. Видишь?

– Ага, – соглашаюсь я, – точно почистили синички свои одёжки для какого-то торжества.

– Для какого... так для весны, вон, смотри, и сороки то же сделали.

И Мишка показал на пару сорок, севших на берёзу и застрекотавших как из пулемёта.

– Чего это они так заволновались, Мишка?

– Так у них уже начинаются свадьбы. Они от нашего села сейчас и отлетают, чтоб им не мешали.

– И правда же, соглашаюсь я, – сорок почти не видно стало в селе, а они вот они где...

– Смотри, Мишка, сорока хворостину в клюве несёт! Да большущую! Целую палку. А вторая сорока следом летит.

– Они уже ремонтируют свои гнёзда, – остановился Мишка, провожая взглядом сорок, – а вторая сорока, – тыкнул он лыжной палкой в небо, – помогать ей будет палку эту в гнездо встраивать.

И мы пошли дальше.

По всем приметам ощущаем: идёт Весна-Красна. И не зря

нас с Мишкой неудержимо поманило надеть лыжи, пока снег не начал хватать их цепкими хапками, налепляя на них комья и не давая уйти к реке, к лесу или затеряться в полевом безлюдье. Тут, на дальних подступах к селу, зима ещё крепко удерживает свои бастионы. Вот они, закрепшие сугробы. Мы с проторенной лыжни да на них, конечно! А наши лыжи даже следов на тех сугробах не оставляют! Как по крышам домов ходим мы с Мишкой по их склонам!

И хотя слепит глаза солнце, налегли на снег голубые тени деревьев, а меня охватывает зябким неуютом, прокрадывается мысль: не далеко ли от дома мы забрались в лёгких наших одёжках?

К пойменному мелколесью направились парочка серых ворон. Ой, как разухабисто летят, с заигрываниями, с выкрутасами.

– Мишка! – говорю я, остановившись рядом с ним на самой макушке сугроба, – смотри, прямо как наши пацаны расшалившиеся, эта парочка!

Мишка тоже любит ими, задрал голову и заткнув лыжные палки под мышки.

– Витька, они сейчас знаешь что нам показывают?

– Что?

– А я могу вон на какую высоту! – взмоет одна, планируя и покачиваясь.

– Подумаешь, удивила, – перебиваю я Мишку, вообразив себя другой вороной и как бы продолжая его подгляд-

ку, – мы и повыше можем! А та другая, которую вообразил я, в этот момент подхватывается, расправляет на высоте крылья и устраивает воздушную болтанку. И пошли они играть в воздушный перехват, словно ситец неба размеряют...

А заснеженный окрест в это время оглашало воронье «каау! Кааау!» И столько оттаявшей ласки в этой вороньей свадебной песенке. Суровое «ка-рр!» точно расплавлено строившимся в природе теплом, которое вороны уже всю почувствовали.

И как-то уютно стало нам в снеговом просторе, словно кто ласковой и тёплой рукой прикоснулся. И не пугает уже холодами обессиливающая зима. Идёт весна! Вот они её первые приметы!

И нас с Мишкой первых известили об этом синички, сороки и вороны!

ВОРОБЬИНЫЙ ДУШ

Воробьиный душ. Егорова Оля, 12 лет

К середине дня дружно заговорила капля, зачастила и обрушила на землю звонкий поток. Весёлый, напористый, он быстро съел размякший от тепла дома снег, добрался до льда, намёрзшего ещё с первых морозов, и пробил в нём корытце. Через края корытца цветастыми салютами взмётывались брызги!

Первый день торжества воды и света! Я не мог оторваться от окна, соображая, к кому из ребят сорваться из дому.

В клён напротив нашего окна швырнуло воробьиный клу-

бок. Клубок этот мячиком отскочил от одной ветки, мигом обежал вокруг другой и покатился по нашему утопанному двору, исторгая оглушительную воробьиную брань, выстрельнул чёрным комком в наличник нашего окна и, взметнувшись вверх, мгновенно рассыпался по веткам клёна, звонко голося отовсюду уже с этих веток.

Упав на наличник окна, комок оказался... воробьём! И был тот воробей чернее трубочиста, не то от печной сажи, не то от угольной пыли. Мне, стоявшему в это время у окна, он был виден хорошо, а вот я ему через стекло не был виден. Из-за солнца, лившегося в стёкла окна. Видно, зиму обретался в заброшенной печной трубе или в совхозной кочегарке.

Я сразу окрестил его Трубочистом! Трубочист был в пыли и азарте потасовки. С воинственным «чвик-чвик!» он хватил на наличнике несколько замысловатых подскоков и грянулся прямо в то ледяное корытце.

Голубой поток с крыши задиристо окатил его с головы до хвоста.

«Как ошпаренный выскочишь, насмешливо подумал я, тут быстро чумовых-то отрезвляют».

Но Трубочист не только не убежал из-под ледяной струи, летящей с крыши дома, но лез под неё сам, приседал в корытце чуть ли не до половины тела и, бодро встряхиваясь, бил себя мокрыми крыльями, как заправский парильщик венником в бане. Потом он жадно напился, снова взлетел на на-

личник окна, истово отряхнулся и – пулей маханул незнамо куда!

А вслед за ним и я выскочил из дома и к Кольке Соколову. А у него уже был Мишка. Все трое мы договорились надеть лыжи и к роднику под холмом. С тех холмов мы на лыжах-то и носимся! Так что и на лыжах накатаемся, и родниковой воды в рюкзаках домой принесём.

Вечером дедушка меня очень похвалил за воду. А я всё думал: с переполоху это Трубочист под ледяным душем накупался, или... ой, не знаю я, почему.

Дедушка был в хорошем настроении, да ещё и похвалил меня.... И я от радости рассказал ему про воробья, который выкупался с перепугу.

– Во, как в потасовке его разогрело! – от души смеялся дедушка в конце моего рассказа, – даже водой охлаживаться пришлось. А потом посерьёзnel и сказал:

– Нет, Витя, это не просто забавный случай к тебе наведalся. А подсмотрел ты заурядное явление из воробьиного житья-бытья. Ничто так не укрепляет силу и здоровье птиц, как наша сибирская снежница, – талая вода, то есть. Перезимовавшие в тёплых странах наши птицы весной специально прилетают раньше, чтоб застать эту снежницу. Лишения и невзгоды терпят, лишь бы вдоволь ею насладиться.

– Она же холодная ведь, ледяная, как в ней купаться?!

– Холодная, – согласился дедушка, – а ты ведь видел, как наша бабушка лёд к своей болячке прикладывала?

– Так бабушке доктор советовал, чтоб лечиться. А воробьи-то... они разве болеют...

– Болеют, как и люди. – удивил меня дедушка. – А ты в сказках читал про живую и мёртвую воду?

– Читал. Там волшебники богатырей оживляли. Сперва давали им мёртвую воду, а потом живую...

– Вот-вот. А для наших птиц снежница и есть настоящая живая вода. И ледяной душ наш Трубочист тоже не от чудачества принимал. Любовь, она и для воробья не картошка, как в поговорке говорится... Время первой снежницы – свадебный разгар у воробьёв. Ну, какая воробьях посмотрит на замурзанного кавалера? На кой ей сдался в супруги – помазок!? Так на его месте и в бобылях останешься.

И не только разборчивой воробьяхе не глянется его такой наряд. По воробьиному «понятию» это неполноценность, от которой весь воробьиный род может выродиться. Она-то и накликала на Трубочиста гнев претендентов на воробьиные «руку и сердце». Вот достойные соперники и высыпали ему. А уж потом где-нибудь они между собой отношения выяснили.

– О-о! Витя, – с любовью в голосе говорил дедушка, – да только ли воробьи потеряли голову сейчас от тепла и света? В таёжных крепях теперь приспущенными крыльями зачертил круги на снегу глухарь. Репетирует турнирные схватки. Тишину зорьки в ельниках разбуживает любовная запевка рябчика. Волчицы и лисицы неотомимо подыскивают лого-

вища для будущих семейств. Осторожными, ой как, стали на удивление. Ключьями полезла шерсть с задних лап беляка, линяет наш длинноухий, меняет зимнюю шубу на летнюю.

И всюду, где теперь ни окажись, наблюдательный глаз да чуткое ухо отметят предвесенние перемены. То густой грудной голос сизаря-голубя вырвется в людскую сутолоку, то подсмотришь в мелколесье, как спускается с веток снежный паучок...

А пляски ногохвосток на снегу! В сильные холода они сидели на земле, под снегом. Но вот зачуяли тепло, вылезли на снеговую поверхность и заскакали, замелькали на синеватом его покрывале. Поглядишь ни дать, ни взять крохотные акробаты. Солнышко приветствуют!

– Деда, а кто такие ногохвостки? Где они живут?

– Да где они только не живут...

Лицо дедушки вдруг просияло находкой.

– Да вот пойдём к нашему кактусу! Что ты видишь? – спросил дедушка, когда мы подошли к кадучке с большим, почти до потолка, кактусом. Дедушка росток этого кактуса аж из Москвы привёз, когда я ещё в детсадик ходил. И ухаживал за ним не знаю как. А по мне так... я и подходить к нему боялся, с тех пор как один раз ещё маленьким накололся на его колючки. А тут присмотрелся... по земле в кадучке скачут крохотулечные букашки. С маковое зёрнышко такие, а то и меньше. Скок вверх! И упал на землю. В это время дугой, третий скок! И если приглядеться, так...

– Дедушка! Да тут целый концерт идёт... какие-то букашки через головы кувыркаются!

– А вот-вот. Вот этот самый скачущий народец, – довольный говорит дедушка, – и есть ногохвостки. Ну, точнее, одни из их породы. Собратья снежных скоморохов.

– Дедушка, а почему ты мне раньше про них не говорил?

– Про ногохвосток? Так ты и не спрашивал, – хитренько сощурился дедушка. – Вишь как беззаботно скачут. Но не легка доля всех жителей первовесния. Потому-то между ними на это время и устанавливается особый лад и взаимовыручка. Но об этом как-нибудь в другой раз.

ЛЕСНАЯ САНЭПИДСТАНЦИЯ

Тетерев.

По ранней весне в лесу ещё снега полно. А с муравейников он сползает.

Днём солнце сильно пригревает. Тишина. Если стоять без движения, станет слышно, как снежные корочки подплавляются и то тут, то там обрушиваются с тихим звоном, сверкнув на мгновение слепящими огоньками. На проталинах выклёвываются кандыки, белоцветки-ветреницы. Тишина, и если хорошенечко прислушаться – слышно как мочажинки возле муравейника впитывают воду, щёточки черемши проклеивают лесную прель.

На первое тепло вылезают и сами муравьи. Как шубой муравейник укроют. Шевелится та шуба. А над шубой, если приглядеться, дымка висит. Запаши-и-стая. Мы с мальчишками наслюним палочку – и в эту шубу. Как навалятся на неё муравьи! Топчутся по ней, друг по другу усами метут, глаза лапками от удивления протирают. Через некоторое время лизнёшь ту палочку, а она – конфетка! Сладкая, кисловатая, и аромат от неё....

Мой дедушка говорит: «В такое время муравей на лекарство щедрый. А лекарство его очень даже целебное».

И он каждую весну полную банку муравьёв закупоривает. В банке они в месиво превращаются.

– А есть, – говорит дедушка, – такие муравьи, которые в своих муравейниках масло муравьиное делают. Раньше бывали специальные добытчики того масла. Раскапывали муравейники и на дне их добывали те куски масла.

– Разве ж так можно?! – удивился я.

– Ясное дело, не следует эдак. И за такой разбой их никто не жаловал. Но разбойников от этого не переводилось, – сказал дедушка.

В эту весну дедушка взял меня на муравейник.

– Дедушка, а от чего оно, муравьиное лекарство? – спросил я.

– Да любую хворь правит. Особенно хвори поясничные. Радикулит тот же.

Муравейники дедушка ещё с осени облюбовывает. В свет-

лом березняке. Чтоб большие были. В больших муравейниках, как говорит дедушка, много муравьиной силы накапливается. И семья там сильная. Небольшой ущерб от незлого человека такая семья быстро правит.

Не дошли мы немного до муравейника, дедушка говорит: «Давай-ка внучок, передохнём. Лес послушаем».

И мы стали слушать лес. Стоим под берёзой и я смотрю, как на сугробиках снежные плёночки опадают под солнцем. Позванивают то тут, то там: зинь-нь-нь, тен-нь-нь... и в мгновение исчезают с просверками. Или, наоборот, мимо взгляда промелькнут, как крохотные бабочки.

Вдруг словно флаг полотнищем на ветру захлопал. Глядь – это пара тетеревов на «наш» муравейник села. Один крылья развесил, оглаживает ими муравейник, а сам ногами муравьиною кучу месит, голову змеёй вытягивает и по муравейнику ею елозит.

– Не шелохнись! – выставил дедушка в мою сторону ладонь вперед, а от другой руки палец к губам приставил: молчи-молчи, мол. Да я и так не дышу. Такое диво на глаза явилось. Тетерева даже в наших краях редкостью стали. А я так вообще их вижу впервые. Вот он, косач. Я по рассказам дедушкиных друзей-охотников сразу его узнал по косам в хвосте. Он потому косачом-то и зовётся. А тетёрка... у неё хвост как у обыкновенной курицы. По этим признакам их и не спутаешь. Потому я сразу определил, что месила муравейник и шей елозила по нему тетёрка. А косач в это время стоял

чуть в сторонке. Чтоб не мешать ей.

А косач-то... каков красавец! Весь сине-зеленым переливается и чёрным. Хвост разбегается, брови пурпурные. А на крыльях и на хвосте белые зеркала. Приспустил крылья, головой потряхивает, с ноги на ногу толчётся и всем видом показывает тетёрке, какой он уступчивый, настоящий кавалер. И перья на его плечах и шее разливаются, текут краски при каждом его движении.

Тетёрка сложила крылья и давай с боку на бок на муравейнике переворачиваться. Потом сбежала с муравейника и захохотала от блаженства. А на её место косач подпорхнул и давай такие же штуки выделять. А мы-то в десяти шагах от них, и они нас не замечают. Какое уж тут мне шевелиться. Я замер от такого невиданного счастья.

Что они ещё бы делали, неизвестно. Да на меня чих напал. Наверное, от ивовой пыльцы в носу защекотало. Чихнула я. Тетерка как айкнула! И вдарилась бегом по полянке, потом пррррррр! и по-за деревьями, по-за деревьями. А за ней следом косач вякнул и кубарем с муравейника свалился, дал свечку и полетел как очумелый меж деревьев вдогонку тетёрке.

– Припоздали мы маленько, – говорит дедушка незлобно, – эти молодожёны нас обскакали.

– Дедушка, а что это они делали? – всё ещё заворожённый прошедшим зрелищем, спросил я.

– Муравьились.

– Как это муравьились?

– Видал, как они муравейник месили? Это они муравьёв злили. После спячки те не кусаются, а муравьиного лекарства у них много скопилось за зиму. Да ядрёное лекарство. Этим-то лекарством – муравьиной кислотой они и окатили рябую и её франта.

– У тетеревов, что ли, тоже радикулит? – удивился я.

– По весне у птиц уйма всяких паразитов: вши, пухоеды. Житья птицам не дают такие незваные гости. Худеют птицы поэтому, силы теряют. Как слабой мамаше яйца насиживать? Как птенцов выкармливать? Вот и приходят они к муравьям за лечением. От муравьиной кислоты у птиц вся эта нечисть гибнет. Чем не лесная санэпидстанция!

– Да как же они знают-то про такое лекарство?! – удивился я снова.

– Это, внучек, мы, люди, привыкли думать, – сказал дедушка, развязывая рюкзак и доставая из него банку для муравьёв, – что только мы и обладаем разумом. А на самом деле всё, что окружает нас, обладает своим разумом, который нужен и дереву, и травинке любой, и птице, и вот муравью. Не обладай они разумом, жизнь на Земле остановилась бы. Разумному человеку всегда и хочется присмотреться к тайнам да секретам всего живого. Присмотреться, да к своим нуждам и приспособить.

ВОЛШЕБНАЯ ПАЛОЧКА

Волшебная палочка. Горевая Аня, 13 лет

– Тальничку бы нарезать для обихода, – сказал дедушка. – Пошёл талиновый сок. Прутья теперь гнуткие.

Дедушка поглядел на меня, и я понял по его взгляду, что он спрашивает: «Со мной пойдёшь или к друзьям победишь?»

Конечно с дедушкой пойду! Потому что с ним мне всегда интересно.

Только вышли мы на улицу, Колька Соколов навстречу: – Витька, а я за тобой! Пошли в лапту играть. Пацаны уже собрались все.

– Мы с дедушкой за тальниками. На Черемшанку. Пошли с нами! Можно ему, дедушка!?

– А то почему бы и нет. – Охотно согласился дедушка. – Лишним не станет.

– Чего я там не видал? – Колька презрительно свиркнул через плечо. – Тальники у реки. Зря только кёкрюк делал.

Идти по холмам, спуститься с них – и вот они тебе, тальники. Широко по Черемшанке разбежались. От земли пар восходит и колеблется. Взглянешь на солнце – оно будто играет, такое ясное, радостное. Тишина, и в ней тракторный гул будто завяз и барахтается. Да на совхозном птичнике пехухи дурачатся:

«Кут-кута! Кута!» – заорут, а потом передразнивая трактор: «Куткут-кут-кут-кут-кууу-у-у-уд-ко-ко-о-о».

– Кто-то вон костёр развёл, – показал я дедушке на расплывшийся дым, когда мы уже собрались с холма спускаться

к тальникам.

– Э-э, – помрачнел дедушка, напрягая глаза, – теперь чащобные птицы на гнездо садятся. За такие штуки уши драть мало. Ну как низовым палом возьмётся!

И мы стали спускаться с холма прямо на тот дым. Только что за чудеса? Чем ближе к согре мы подходим, тем дым от нас дальше. Я припустил бегом, далеко обогнал дедушку. И дым вроде как бегом от меня. Да всё меньше и меньше дыма становится. Таёт. И вот уж совсем никакого дыма.

«Ведь был же, и дедушка видел», – недоумевал я, невесть как оказавшись среди уродливых деревьев. Ветки у них корявые, гнутые, и с них лохматый мох свисает. Корни из земли повывлезли, перепутались все, свились змеями, затаились и вот-вот зашипят на меня. А дальше по болоту повальня из патлатых кочек. Трава на них рыжая, жухлая, и талой водой книзу зачёсана. Ни дать, ни взять отрубленные головы, и все ко мне затылками составлены. Из кустов улогие пеньки как нечисть болотная выглядывают...

«Может, это нечисть и посоставила тут „отрубленные головы“, – полезло мне в голову. – Сам, наверно, Леший где-то рядом. И кикиморы. Это они меня и закружили, запутали... И дедушку не видно и не слышно». Тишина. Слышно как под моим пиджаком сердце заколотилось. Я попятился от страшного места.

И вдруг как расколется над головой: «Къяв! Къ-я а-ввв!» И треск по кустам пошёл. Корни зашевелились, закорчились

и потянулись со всех сторон ко мне. «Леший это», – понял я, и всего меня сковал ужас.

– Деда!!! – заорал я что было мочи, а с места с перепугу сойти не могу.

– Здесь я.

И вслед за треском кустов из них вышел ко мне дедушка, а над болотом залетала сова. Рыжая, в лохматых очках и ла-ет:

«Къяв! Къя-ввв!»

– У-у, ведьма, напугала как,.. – я понял, что всё нашло на меня от сказок прочитанных, от слышанных по селу рассказов. И мне неловко стало перед дедушкой. Корни-то... они оказались, как и везде в кустах бывает, самые обыкновенные, и мох такой же обычный. А «срубленные головы» вновь превратились в обычные болотные кочки, обросшие жухлой травой.

Дедушка тоже виновато улыбался и чесал под шапкой:

– Ну и где он, наш дым?

– Не знаю, – сказал я в недоумении.

– Ну-ка, отбеги снова на холм да глянь оттуда. Не побойшься?

Теперь-то уж я не боялся. Добежал до середины холма, оглядываюсь. Да вот он тебе, этот дым! Как и не пропадал сроду. Но снова я с холма – дым исчезает.

– Ну, – спрашивает дедушка, когда я снова подбежал к нему, – был дым?

– Был. Но куда он опять делся? – вжал я голову в плечи.

– Вот в такие прятки с нами ива играет. И я-то старый, – сокрушался дедушка, – да вот ведь оказия... сходство шибко большое. – Почесал он затылок. – И глазами я послабел. Эх-хе-хе-э-э, – вздохнул. – Бодришь-не бодришь, а старость своё берёт.

– А с кем сходство было, дедушка?

Но вместо ответа дедушка поманил меня пальцем:

– Видишь налёт на прутьях ивы?

– Вот этот синий?

– Да, он. Такая ива в наших местах не редкость. Она голубой за этот синий налёт и зовётся. И так дружно в рост трогается, так дружно сок начинает земной пить... С горы нам её целая стена видна. И получилось, будто мы дым увидели, потому что сгустились её голубые прутья. А как ближе, так и нету ничего.

– Какая-то ива, а тоже с загадками, – сказал я недовольно.

– А неуважительно ты к ивушке зря, – упрекнул меня дедушка, расстилая полиэтиленовые лоскуты на сухогорке, чтоб посидеть и передохнуть после пути. – У русского народа она всегда в чести была особой.

Дедушка сел, снял резиновые сапоги, и вытянул ноги в наслаждении.

– Первую радость весны кто в дом несёт? Верба.

– Так то верба, не ива же.

– Ива и есть.

Дедушка отпил из фляжки воды. Вода у нас в доме всегда родниковая. От того места, где мы сидели сейчас, родник находился не более чем в километре. Дедушка всегда ездит на родник на велосипеде и набирает воды надолго. Я с ним тоже езжу на своём велосипеде. А зимой мы на салазках родниковую воду привозим. Вот и теперь, ещё дома он залил во фляжку воду из этого родника.

– Верб, тала, лоза, ветла, ракета – это всё ивы.

– Как это? – не понимал я. – Верб есть верба, а ракета она ракета и есть.

– Как бы это тебе сказать,.. – задумался дедушка, – Вот ты кто? Человек. Я человек. Колька Соколов человек. Мишка с дядей Лёшей... Все вместе мы люди. А среди людей есть русские, узбеки, негры, японцы. Так и у растений. Это у них родом называется. Вот род ивы это и есть: ива, ветла, тала, лоза, верба, ракета...

– Красивое дерево, – продолжал дедушка. – А главное, где посадил, там и прижилось. Да как посадишь-то... черенок воткнул в землю, он и пророс. Раньше на безлесной стороне только она мужика-крестьянина и выручала. И дом из неё, и для скотины жильё, и плетни-заборы. Даже верёвки и обувь делали. Про лапти читал в книжках? Вот в эту лыковую обувь ива всю Россиюшку крестьянскую обувала.

Только проклюнутся из-под снега лужайки, ивушка первой в рост трогается. Под грохот ледохода да под первую теплынь выйдешь в иной год на речку, и за одну ночь вол-

шебство такое! – стоят над водой то золотые, то серебряные шары и пьют, пьют солнце. Даром что вслух от наслаждения вздохнуть не умеют. Зато всё живое, на них любуюсь, наслаждением и пользой запасается. Пчёлы в тех мохнатых золотистых шарах хлопочут истово, первые медовые дары от ивушки принимают. Да и всякая другая живность, теплом поднятая, к ней столоваться собирается...

Теперь вот куда ни шагни – везде больницы. А было: на сто вёрст захудалого фельдшера не сыщешь.

– Как же без врачей можно? – не поверил я.

– Да так вот, – пожал плечами дедушка. – Цена человеку была в базарный день грош ломаный. Ну одолела тебя хворь, кому печаль какая? Каждый заботился сам о себе. Вот тогда-то ивушка и выручала как лекарь. И жар снимала, и кровь останавливать гораздой оказалась, и нутряные хвори править. До чего страшна малярия, а ивушка и её выдворяла.

– Ничего себе, какой была ива!

– Почему была? Никуда её заслуги и теперь не делись, – засмеялся дедушка. – Аспирин знаешь?

– Ну да. Это лекарство такое?

– Оно... А откуда его добывают? Из ивы. Хромовые сапожки, тифельки щегольские народ носит. А как их получают из кожи? Дубят ивовой корой. Дубильные вещества ивы и болезни людские убивают.

– Вот это да! – удивился я. – Так ивушка-то она, ого-го с какой пользой для человека растёт!

– Ну ладно, внучок, давай приниматься за дело.

Дедушка вынул из рюкзака два секатора и один протянул мне:

– Вот как раз и секи прутья, которые голубым налетом покрылись. Они соком полны. Они гнучкие, что нам и надо при плетении корзинки.

Направляясь домой с вязанками хвороста, мы поднялись на самую вершину холма, с которого до этого спустились, где и шла наша дорога домой.

Дедушка сбросил груз и присел на хворост. Я сделал то же. Далеко внизу стоял дым, заслоняя ивовые заросли. Но теперь-то я уж знал, что это вовсе не дым. Да вот он, кстати, этот «дым», в наших с дедушкой вязанках хвороста. Мы на нём сидим, на этом дыму. Во, здорово!

– Где вода там и ива, – кивнул дедушка в сторону согры внизу под нами, – видал, как ивы к Черемшанке припали? Точно стража обступили её. А корнями в земле заслон микробам устроили. Потому и целебна водичка родниковая в ивняках. И вот ведь диво: стоит проклюнуться где роднику, и затолпились вокруг него ивы. Чтоб целебностью его водичку для нас наградить.

Дедушка в задумчивости помолчал, что-то перебирая в памяти.

– А ведомо тебе, внучек, как родники на земле рождаются?

– Не-э, – уставился я на дедушку в предчувствии новой тайны.

– Семечко ивы воду под землёй чувствует не хуже, чем наш кот Арсений валерьянку, – усмехнулся дедушка. – Видал как Арсений валерьянку чует?

– О! Уж наш Арсений валерьянку откуда хочешь в доме различит, – перебил я дедушку, потому что тут же вспомнилось: бабушка перед сном часто её нюхает, чтоб сон крепче был. Так Арсений, куда бы бабушка ни ушла с валерьянкой, тут как тут! И нюхают они вдвоём с бабушкой.

– Ну так вот, – дождался дедушка, когда я закончу про Арсения, – упало семечко на землю, под которой вода стоит, и учуяло ту воду. А как учуяло, так корешки и выпустило. Корешками теми и проткнёт землю, чтоб до воды достать и пить её вволю. И – вот тебе и «продырявилась» земля, и побежали струи воды наверх. Так родничок и образовался. Ивка подрастает, корешки толстеют, струйки воды тоже «толстеют». Почему толстеют, ты догадался? Вот так ивушка и угощает водицей всех в округе, и человека и животных, да и все растения вокруг.

– Вот это да-ааа! – только и мог воскликнуть я. – Дедушка, разве это не чудо!

– Чудо и есть, – согласился дедушка. – А чутьё у ивы на воду особое. Не зря волшебницей ива считается, потому что клады она открывает.

– Клады? изумился я, – золотые?!

Дедушка потрепал меня по голове.

– Золото, золото, – сказал он скорее для себя, – жёлтенький дьявол... Ничего – то оно не стоит против тех кладов, что ива открывает.

«Какие же уж такие эти клады, если золото перед ними ничто?» – подумал я, а вслух сказал:

– Дедушка, а разве есть что дороже золота?

– Вода.

– Вод-да?! – расхохотался я, уверенный, что он шутит. – Ну и клад, ха-ха! Особенно осенью, когда ботинки в грязи тонут.

Дедушка, на меня глядя, тоже не удержался от смеха. А потом серьёзно сказал:

– Представь себя в пустыне... Зной, песок раскалённый. Никакой жизни вокруг, пить – душа с телом расстаётся. Да нет её, воды, ни глотка, ни капли. И вот тебе предлагают: горсть золота или стакан воды...

– Дурак поймёт, тут-то, – не колеблясь, ответил я, – чё им, золотом, в пустыне делать? Конечно стакан воды!

– Да уж думаю, сказал дедушка. Вода сама жизнь на Земле. Прежде чем где-то домом обзавестись, человек сперва воду найдёт. Только как вот её под землёй увидеть-то? А?

И дедушка вопросительно посмотрел на меня.

– Наверно, как-то надо иву заставить увидеть воду, да? – Неуверенно сказал я, глядя на дедушку, потому что догадался: не зря же дедушка всё про иву рассказывает.

– Были такие люди, – продолжил дедушка, – лозоискатели, или лозоходцы. Этот лозоходец срезает с ивы обычную веточку – рогатульку, берёт её в руку, так чтоб она двумя своими рожками вперёд смотрела, и идёт по земле. Там, где под землёй вода скопилась, рогатулька поворачиваться в руке у него начинает. «Стоп! – говорит лозоходец. – Хозяин, копай колодец вот тут».

– Прямо волшебная палочка! – не верилось мне.

– Волшебная и есть. Лозоискатель находил ею не только воду, но и залежи всяких руд. Мастера-лозоходцы могли ворованные вещи находить, и самих воров заодно.

Или вот церковь. Её построить надо на таком месте, чтоб из земли никаких вредных невидимых излучений не попадало. Все церкви строились на святых местах. Вот эти святые места с помощью «волшебной палочки» и отыскивали лозоходцы. Да разве только церкви и монастыри... Никакой дворец архитекторы не могли строить где попало. И тут всегда при деле лозоходец.

– Дедушка, а куда теперь девались лозоходцы? Ведь дворцы-то всякие продолжают строить...

– Теперь особые приборы геологов такие места отыскивают. А вот умение-то приборов с ивы перенято!

– Эх, жалко, что сейчас таких кладоискателей нету. А как бы хорошо, – пожалел я.

– Ну почему же нету, – перебил меня дедушка, – и сейчас каждому доступно лозоискательство.

– И даже, что-ли, мне?

– И тебе, и любому, кто захочет. Правда, лозу заменили металлические рамки, маятники...

– Дедушка, а ты умеешь это делать?

– Это вовсе не трудно. И может научиться каждый.

– Дедушка, – так захотелось мне, – а ты меня научишь?

– Конечно, если...

– Понял-понял, – перебил я дедушку, – если я буду себя вести серьёзно, в школе хорошо учиться. Это, да? Я же и так всё это делаю.

И тут же вспомнил Кольку Соколова. Вот они тебе, Колька, и «тальники у реки»! Эх, ты-и.

ВОТ ЭТО ДРУЖБА!

Вот это дружба. Исаева Маша, 13 лет

Гнёзда сороки на тоненьких деревцах делают, чтобы деревце крупного грабителя не выдержало. Против мелких недругов у сорок свои секреты: гнездо широкое, как кошелка, а из гнезда палки торчат. Да не закреплены палки, а воткнуты в гнездо как попало. Полезь в него хотя бы кошка... Хвать она за торчащую палку, а та и выдернулась! Что будет с кошкой?!

Схлынули лиловые кандыки и пролески, лесной позёмкой вымелись белоцветки-ветреницы. Теперь пора «кукушкиных слёзок». Так у нас голубовато-фиолетовые цветы такие зовут. Поставишь букет из них на окошко да распахнёшь окно – разольётся их благоуханье такое, что кажется сквозь стены запах проходит. Не зря же «кукушкины слёзки» ещё прострелами зовут. Вот ведь, только что вечером был на этой поляне и ничего-то на ней не было. А утром глянешь поляну голубым и фиолетовым залило. Цветы прострела всё засыпали. Да не такие, чтоб как взошедшие росточки. Они изпод земли прямо взрослыми будто выходят. Точь-вточь землю простреливают. И устилают её сплошными коврами.

Вот тогда мы любим с ребятами на их полянах оказываться. Весь ты тогда в постоянном ожидании. Потому что вслед за прострелами закипят-запенятся черемухи с их черёмуховыми холодами, загудят в черёмухах пчёлы, и во-всю мочь ударит пернатый хор возвратившихся из дальних стран наших друзей. Значит, всё. Пришла настоящая весна!

Идём мы с Мишкой через сограу к «кукушкиным слёзкам».

– Глянь, – показал Мишка на большую черёмуху, – сорочье гнездо.

– Мишка! – сообразил я, – Черёмуха толстая, залезть-то на неё просто. А там, наверно, птенцы уже. Вот подсмотреть-то...

– Она тебе подсмотрит – родня узнавать перестанет.

– Да нету же её как раз, видишь, – огляделся я вокруг, ища глазами сороку. – А мы рр-раз! Гляди, ветки у черёмухи как лестница от самого низа.

– Затеяли одно дело, так и надо его делать, уклончиво ответил Мишка.

А я сторал от нетерпения: такое доступное гнездо!

– Ладно, Мишка, ты постой тут и подожди меня. А я мигом к гнезду слётаю.

– Валяй, уступил Мишка и стал насвистывать себе под нос песенку крокодила Гены.

Это с полянки казалось, что черёмуха совсем рядом. А к ней пришлось через сухой бурьян пробираться, который вокруг этой черёмухи когда-то разросся, да через молодую крапиву. Но ни бурьяна, ни крапивы мне бояться было нечего. Я в сапогах резиновых.

Получилось, что гнездо только казалось низко, а полез – не тут-то было. Ещё ветки черёмухи частые, как ласке надо через них изворачиваться, пролезать. Но всё равно я долез

до гнезда. Теперь как-то надо на верхние ветки забраться, чтоб над гнездом хоть голова бы оказалась. И тут новая закавыка: гнездо-то, оказывается, с крышей! Поднимешься над ним – крышу своротишь.

Откуда ни возьмись – сорока. Кричит – из себя выходит, хвост метлой, из стороны в сторону кидается, норовит долбануть меня по голове и крыльями, и клювом. Мне показалось: сама ступа с Бабой Ягой вокруг меня носится и помелом меня охаживает...

А через некоторое время нахлынула целая стая сорок! Гам, гвалт подняли, пикируют на голову, крыльями по мне стегают. Я кое-как одной рукой от них отмахиваюсь, другой вцепился в ветки, чтоб не свалиться вниз.

Вдруг подлетело несколько ворон и тоже на меня! С сороками заодно! Вот это тебе да!

Мне стало не до гнезда, скорей бы вниз, на землю, да ноги унести. А они не дают слезать – и сверху, и снизу поддевать меня успевают. Орут как угорелые, ветер вокруг меня подняли. Да ещё я сам отмахиваюсь, ветки раскачиваю. А наверху-то тьма гусениц оказалась. Как посыпались они – ад крошечный! Жирные, волосатые, по веткам летят, по лицу моему, за шиворот падают. Бррррр! Сапогом на ветку ступлю хлопки, чавки от раздавленных гусениц раздаются. За ветку хватать – полная горсть ихней давленины. Мамочки! У меня скулы судорогой сводит от брезгливости...

– Мишка, – кричу, – погони их от меня!

А Мишка молчит, да его на том месте и не видно. Он куда-то пропал из виду.

А сороки и вороны прямо вьюгой вокруг меня кружатся. И крыльями меня лупят, и хвостами! И – ой мерзость – помётом жидким обдают... Не помню, как с черёмухи слетел, да через бурьян! Споткнулся, об корягу ногами заплёлся и в крапиву – бух! Так огнём и полохнуло по выпроставшимся из пиджака рукам, а лицо – кипятком ошпарило!

Словно из полыхающей печи меня выдернули. Стою на луговине, гусеницами залеплен, весь в давлении ихней зелёной, в птичьём помёте, весь ободранный и в волдырях крапивных. Рёву бы задать?! Да перед Мишкой стыдно. И так теперь по всей школе разблагостит.

А Мишка, оказывается, отбежал от своего места подальше и всё-всё видел. Теперь подбежал ко мне, ржёт как жеребец, и то по бокам себя хлещет, как петух перед кукареканием, то пальцем в меня: «Ой, мамочки, ой, лопну! Ой, уйди с глаз, Витька, не дай умереть со смеху. Ой, лишь бы не мне такую апупею!

И живот обеими руками поддерживает, будто у него он падает...

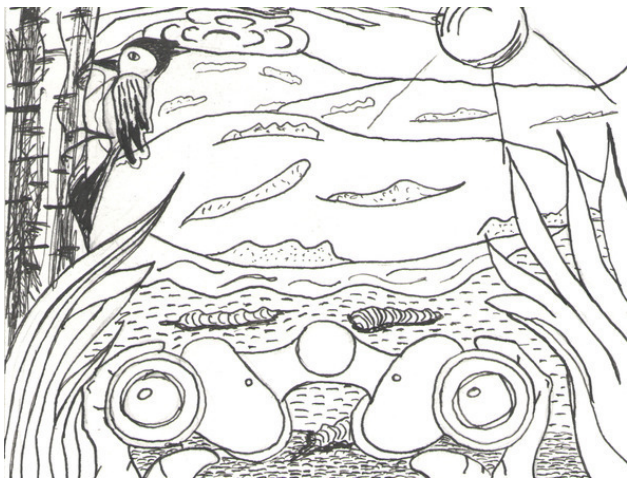
А на телеграфном столбе на самой маковке кукушка как растрёпа. Крылья распустила, хвост задрала и как флюгером им водит. А сама вот это да! – лает! Прямо как собака лает! А поодаль другие кукушки, и тоже лают. Может, на сорок с воронами ругаются... да нет, на меня это они взъелись, что

ремесло их хотел перехватить – по чужим гнёздам шастать.

– Вит-тя-а, Ви-ть-тя – захидничал голос из кустов. – Это досужие чечевицы своё мнение высказывают.

И все-то, и всё-то против меня было.

ЗНАМЕНОСЕЦ ВЕСНЫ

Знаменосец весны. Косинова Даша, 13 лет

С какой-то поры полюбил я в одиночку затеряться вдалеке от дома. Думается хорошо. А подаренный дедушкой бинокль словно раздвигает мне горизонты.

«Вот тебе, Витя, мой подарок. Он мне большим другом был, пусть и тебе таким же станет. С ним, – засмеялся дедушка, – дальние страны можно изведать, недалеко от дома находясь».

Я теперь не расстаюсь с биноклем. Спасибо дедушке.

А ещё за то спасибо, что научил он меня к каждой живинке в природе приглядываться. К каждому кустику, колоску, птичке или лягушке, жучку или комаришке. Ой, сколько, оказывается, у них у всех секретов для нас припасено!

Свидание с природой теперь для меня всегда ожиданием необычного стало. Ни осенняя слякоть, ни зимний мороз не разочаруют.

Особое состояние души ранней весной. Как долгожданную гостью встречаешь с прилету каждую птаху, как желанных друзей приветствуешь зелёные иголки проклюнувшихся трав. С трепетом идёшь в ранневесенний лес, и тебя светлой радостью встречают белые ветреницы, голубые пролески, синие в розовых вспышках медуницы...

Тишина в лесу. Торжественная. Но лес не замер. В его обители как нигде ощутишь напор жизни. Вот тарарахнул об сухостоину свою брачную трель дятел. На первое тепло выползли на свои кучи муравьи, и шумно шевелится их толстая шуба. Смотришь на них: «Ой, сколько дел-то у них! Ой, сколько дел...»

Вдруг спугнёт твои раздумья тихое ржанье жеребёночка, да такое жалобное, ну точно, потерял в лесу свою маму малыш. Ой, беда какая. Сердце трепыхнётся – помочь бедняжке. И тут же улыбнёшься невольно: соловей свистун пожаловал. Это его приветственная запевка.

Прошелестит подсыхающей листовой прелью гадюка. Вялая после спячки. А может, охмелевшая от запахов весны,

ищет обогретый солнышком сугорок.

Шепчут и булькают из подсевших то тут, то там облаков снега мутные ручейки, посапывает земля, впитывая влагу.

И вдруг заблеет над головой барашек.

– Что за дьявольщина?! – запрокинешь голову. – Кто его туда затащил? И расхохочешься над своей оплошностью: кулик это хвостом любовные страдания выводит. Забирается на умопомрачительную высоту и пикирует, распустив перья хвоста хитрым манером.

Нет, тишина это вовсе не отсутствие звуков, а обворожительная насыщенность ими, побуждающая откликнуться на них каждой клеткой, всем существом, ощутить неуправляемые движения жизни, по-особому сейчас понятные тебе и волнующие. Да ведь в тебе тоже идёт обновление, как и в природе.

Всё теперь полно запахов: и поле, и луг, но в лесу они особенные. Здесь духмян даже снег, набрякший, зернистый и не пугающий холодом, а манящий зачерпнуть его пригоршнями, потискать в кулаках, ощущая его ядрёное хрустение и ледяную снежницу меж пальцев, почувствовать, как зайдутся ладони от её густой стужи и вдруг понять со шемящей пронзительностью: а ведь это всё ты делаешь в последние разы в этом году...

Едва заметное движение воздуха шелохнёт свадьбу ветриц, и будто услышишь сердцем тончайший звон их малюток-колокольчиков.

Всё это раннее утро, лишь шагнул из дома и окунулся в прохладу апреля, меня не покидало предчувствие необыкновенного. И необыкновенное скоро началось.

На пути к лесу заброшенная избушка. Вдруг от неё раздалось пронзительное «кли-кли-кли-кли!»

– Кукушкин перелёт! – вздрогнул я от радости. Этот звук разве оставит кого равнодушным. Но я тут же осёкся: какая кукушка? Ещё и ледоход не на всех наших реках прошёл. А кукушки в наших местах появляются под зелёное кружево берёзовой листвы...

Звук повторился, и я, теперь уже спокойно, вслушался, изготовив бинокль: кто же это так подделывается под кукушку. Правда, у той звук более тревожный, сильный и как-то подкружён, оттого и чарующ. Но ведь зелёной весной... А сейчас на дворе раздетый апрель. Все звуки в нём резче, глубже всё, первозданнее.

Навожу бинокль на предполагаемое место и вижу: кукушка! Но почему она такая небольшая... И сидит вертикально на бревне дома.

Кукушка вдруг разразилась звоном кли-кли-кли-кли и помчалась вверх по брёвнам, постукивая об них хвостом, как бы отталкиваясь им от них. В бинокль я явно увидел на её ногах по два, как у дятла, отогнутых назад когтя.

«Вертишейка!» – Отлегло от души, и я тут же вспомнил как однажды схватил упорхавшего в куст чьего-то птенца. Птенец тут же взъерошил перья, и как пружиной раз-

махнул свой хвост в моей руке, жёсткий словно деревяшка, немедленно свесил безжизненные крылья, и тут же вытянул до невероятности шею, закрутив ею и неистово зашипел по-змеиному.

«Змея! – Пронеслось в моей голове и я с ужасом отшвырнул добычу к в куст.

И вот эта знакомая теперь дятел – вертишейка взбегала вверх и вниз по стене избушки, настукивала в её стену и, точно исследуя избушку на пригодность к поселению, выкликала из неё жильцов.

В эту ночь ударил морозец, и тихие места на речушке Агазе перехватило ледком, застеклило зеркальца забережных разливов, а набившаяся на бойких местах пена, загущенная морозцем, превратилась в ослепительную губку и сверкала разноцветьем кристаллов. Моё воображение нарисовало мне не схваченную морозом пену, а картину: что разбрелись это, побросали якоря парусники, сойдясь на неизвестное мне торжество и перекликаясь праздничными огнями.

Тихонько подминая сапогами оконца льда и слушая звонкий его треск, я обнаружил скользящую изнутри льда «повозку» – махонький плетёный крестьянский возок. Стал разглядывать ближайший ледовый окрест. И о-о-о! Да таких «повозок» т-у-т! Все они тащились по различным направлениям, создавая «ярмарочную» неразбериху бестолковость. Вгляделся ближе – так это же ручейники! Точнее, личинки ручейников. Тех самых «бабочек», которые в один какой-ни-

будь летний денёк неожиданно и тучами появляются над ручьями, озёрами, реками, чтоб так же неожиданно и исчезнуть. Защищая себя от недругов, они делают домики, которые таскают на себе, а в случае опасности прячутся в них.

Делают домики из всего, что подвернётся: палочки, камешки, ракушки... «Мои» вот ручейники свили свои дома из травинки и, деловито перебирая лапками по льду, как по потолку, тащили невесть куда свои домики-возки.

«А может, это чумачьи возы? – заработала моя фантазия. – Развозят по тем заякорённым „парусникам“ хлеба нового урожая. Чтобы хлеба эти потом развезли парусники по разным городам и сёлам».

«Да выдумывают ли сказочники сюжеты своих сказок? – подумалось мне вдруг, глядя на всё это. – Нет. Подсматривают они их у неистощимой на выдумки природы».

Я брёл наугад по берегу, и признаки пробуждения природы сменялись как в калейдоскопе. Вот знакомая полянка кандыков. Присмотришься к лилово-розовым их цветкам и... да ведь цветок кандыка это колокол. И белый язык колокола в центре. Пригляжусь, прислушаюсь... ай радость какая! Этот цветочный колокол звенит на ветру! Тонко и разливаемо, только сердцем и уловимо.

Солнце ещё не обогрело землю, и кандыки стояли со сложенными лепестками, похожие на розовые сосульки, с которых, пригрей оно – и застучается о землю яркая розовая капель.

Но будет иначе. Через часок-другой солнышко войдёт в свою силу, и развернутся горделивые кандыки, и загорятся над лесными полянами и пригорками, первыми приветствуя всё пробуждающееся своим обворожительным цветом.

Это уже днями позже вдогонку кандыкам жаром разгорятся калужницы, рассыплет свои жгучие искры волшебница-лекарь медуница, огненным половодьем затопят окрест целительные купальницы.

Я шел-брёл неведомо куда. Солнце уже по-хозяйски взялось за дело, и подплавленный ледок то тут, то там оседал, и его хруст, то краткий как молния, то рассыпистый и переливчатый, всякий раз заставлял меня врасплох и заставлял отозваться всем моим существом.

Возле снегового островка взгляд мой поймал... Нет, не может быть! Пробив большую толщу крупитчатого снега, над ним распростёрся крупный и жаркий кандык. Казалось, это горит маленький, но неистовый костёр, расплавляя остатки ещё несколько дней назад лютовавшей зимы.

Не доверяя глазам, я подумал, что кто-то уже тут побывал вперёд меня и воткнул сорванный цветок в снег. Но никаких следов человека, кроме моих, вокруг не было. Я попробовал потянуть кандык из снега, всё ещё думая, что кто-то воткнул его. А потом и разрыл снег вокруг кандыка до самой земли. Кандык крепко держался корнем за землю и полыхал над снегом. Весь вид его говорил о стремительном наступлении весны на зиму. И мне представилось вдруг, что лепестки

цветка как огненные языки пригнуло той стремительностью, и встречный ветер бросает язык колокола, яростно колотя по тычинкам-звонницам. И гудит этот колокол набатом: весна идёт! Весна! Весна!

«Вот как надо врываться в жизнь!» – понял я, что говорил мне наш сибирский «зажгиснег», – представший передо мною лихой комиссар с боевым знаменем весны в неукротимом наступлении жизни.

Сибирский кандык.

ЖАВОРОНКИ

Жаворонки. Горбунова Вероника, 12 лет

Праздник жаворонков приходил в наше село весёлым, взбудораженным. Радостно клекотали ручьи, от снежных сугробов ударяло теплом, ласково пощекатывало лицо солнышко и пригревало распахнутую грудь. Мы, ребяташки, привязывали к шестам испечённых нам из теста «жаворонков» и мчались ватагами на самые высокие места, на сугробы снега, совали шесты в небо и размахивали ими, зазывая Весну, закликая жаворонков:

Жаворонки, жаворонки,
Прилетайте к нам.
Приносите нам Весну-Красну.
Нам зима надоела,
Всё у нас поела...

Накричавшись до хрипоты и до изнеможения намахавшись шестами, с замиранием сердца крошили и разбрасывали по сугробам крошки от испечённых «жаворонков». В одном из них обязательно была запечена «счастливая» денежка. Что творилось с нами, если в такое время и в самом деле раздавалась с неба трель жаворонка! Это же мы звали жаворонков!

Под одобрительные восторги взрослых мы кидались брататься, дурашливо валтузили друг друга, топили в снегу, податливым и тёплом.

И отлетали зимние страхи, верилось в чистоту мира, в волшебство. Всё казалось добрым и вечным. И теперь

с прилёта первых жаворонков каждый день нёс с собой новые приметы, тревожили сердце неясные ожидания.

Выйдешь в поле или на луг – в каждой ямке, в каждой мо-чажинке отражается небесная синь, купаются золотые огни, и над всем этим, освещённый солнцем, трепещет жаворонок. И кажется, бегут, бегут от его крылышек светлые волны, расходятся светлые круги, рассыпает он крылышками солнечные блики, сыплет тепло и лад в неодетую весну.

Зеленеющей весной день на день не похож. Столько нового происходит, подмечать не угонишься. Томятся пашни, зыбится и дрожит-мерцает горизонт от восходящих ясных струй, и голосистый жаворонок до изнеможения купается в них, трепещет крылышками, словно плывёт и плывёт он против восходящих тех струй, а сам ни с места. Скажется, упадёт с неба на парной сугорок, отдышится самую малость и снова взвился и завис привязанным колокольчиком, затрепыхал навстречу восходящему течению от млеющей земли. Откуда столько сил в звонком живом комочке, с которым сердце уже прочно связывает неотступность весны. Но вот, словно подхваченный взбурлившей струёй, поплыл и поплыл он ввысь, пошёл и пошёл ввинчиваться в небо, уменьшаясь и пропадая из видимости. И теперь кажется, что звенит и переливается само небо, растворившее певца. И вкрадчиво обоймёт тебя настороженность, неполное доверие обнадёжившей теплом весне. Слово порвалась важная нить, связывавшая жаворонка с весной, он не спра-

вился вот, израсходовал силёнки в борении с восходящими струями, и унесли они его к самому Солнцу.

В иные вёсны звенели у нас жаворонки даже лунными ночами. Всё село выходило тогда прислушиваться к чуду. Девтора допускалась к той лунной симфонии наравне со взрослыми. И с этим равенством в нас входила причастность к родной природе, любовь и ответственность за неё. Мы знали о ней всё, что знали взрослые, любовно относились ко всему, что было ими любимо.

В селе нашем благоговели перед птицами. И жаворонки среди птиц занимали особое место. Кто лучше хлебороба знает, что жаворонок не только первовестник пробудившейся от зимы природы, и кроме дух захватывающей песни он ещё и сражается с полчищами вредителей хлеба. А зерно из растущих колосьев не вылущивает, только собирает зерновую падалицу, отбирая её у мышей да сусликов.

Совсем маленьким я воображал себе, что жаворонки живут в хрустальных дворцах под землёй. Туда и скатывается жаворонок с неба. Упал и сомкнулась за ним земля. Я со всех ног в то место, куда скатывался жаворонок. И всё надеялся на чудо: земля почему-нибудь не успеет сомкнуться, и я хоть краешком глаза подгляжу. Но всегда кончалось тем, что я не поспевал добежать. Жаворонок взвивался в небо в стороне от замеченного мною места.

Однажды за совхозной кузницей я кинулся по пустырю к кусту полыни. Туда, обдав меня гудением и чуть не запу-

тавшись в моих волосах, сел большой жук. Зорко высматривая жука, я стал обходить куст. И тут из-под самых ног с шумом вылетел жаворонок и с плачем затрепыхался низко над моей головой. От неожиданности я крепко струхнул, а когда пришёл в себя, увидел возле ног ямку от лошадиного копыта. В ямке натрушена жухлая прошлогодняя трава. На доньшке пучок коровьих волос. На том войлочке из коровьих волос четыре землистого цвета яичка в бурю крапинку.

Мне это показалось забавным, игрушечным. Маленькое гнёздышко, крохотные яички. Таинственность охватила меня. Верилось, что это добрый жук привёл меня сюда, чтобы показать такую невидаль. «Вот так жук», – с благодарностью подумал я и стал разыскивать жука снова. Но жук не находился. А жаворонок трепыхался надо мной и жалобился.

В какое-то мгновение я понял, что он просит меня не трогать гнездо. «Так значит, это гнездо-то его?!» – пришло ко мне озарение.

Я снова взглянул на гнездо и был поражён убогим видом жавороночьего домика. Я почувствовал себя несчастным и обворованным на хрустальный жавороночий дворец. И стало до слёз жалко себя и убивающегося надо мною жаворонка. Представилось, что это злые силы выгнали жаворонка из его сказочного дворца. А тут, под кустом полыни, его всякий обидит.

«Конечно, из наших сельских никто его не тронет», – рассуждал я. Разорить гнездо или причинить какую печаль жа-

воронку в селе считалось грехом незамаливаемым.

Я стоял над гнездом. Жаворонок всё плакал и просил меня не трогать его домика. А я думал себе: «Разве можно обижать такую птичку, которая людям приносит только радость и пользу? А сама так бедно живёт при этом: ямка от лошадиного копыта, да куст полыни над ямкой».

И мне захотелось поселить жаворонка на нашей яблоне, в скворечнике, в котором почему-то не жили в этом году скворцы. Но чтобы перенести гнездо, к нему надо притрагиваться. А мы, мальчишки, уже знали, что притрагиваться к птичьим гнёздам нельзя. Птицы бросят гнездо даже с отложенными яйцами.

И тогда я решил стать жаворонку защитником. Я стал каждый день приходить на пустырь, тихонечко подкрадывался к кусту полыни и лежал вблизи гнезда, на котором сидел жаворонок. Сидел он так тихо, что только по моргавшим глазам его и можно было догадаться, что он живой.

Время от времени он улетал из гнезда, и я всегда удивлялся, как это он прямо на глазах становился невидимым, стоило ему только сесть на гнездо?

Через сколько-то дней в гнезде запищали птенчики, и жаворонок стал часто улетать за кормом для них. Меня он уже почти не боялся. Я же ревностно охранял гнездо и никому, даже своим друзьям, не выдавал тайны.

Когда жаворонок улетал за кормом, я подходил к самому гнёздышку, чтобы полюбоваться на птенчиков. Они были

смешно покрыты пухом. Каждая пушинка похожа на тонюсенькую веточку. Голова на тоненькой шейке, точно одуванчик на стебельке, потом голенькая спинка, а за спинкой, как мячик, дутая гузка. Гузка тоже вся в ветвистом пушку – второй одуванчик. В гнезде птенчики прижимались друг к другу, и тогда все одуванчики сливались в дымчатую занавесочку. И мне каждый раз казалось, что оставляя птенчиков одних, жаворонок задёргивает гнездышко этой пуховой шторочкой.

И вправду гнездо становилось невидимым, как только я отходил на несколько шагов от него. А желтовато-белые клювы птенчиков сливались цветом с корешками окружающих трав. Птенчики, оставаясь одни, затаивались, и только когда жаворонок приносил им корм, слегка попискивали, раскрывая широко алые ротки, которыми они наперебой тыкались вверх, и мне казалось, что это алыми косынками машут наши деревенские девочки. А иногда они казались язычками огня в печи. И тогда я обязательно чувствовал запах поджаристой корочки каравая, какие пекла моя бабушка на больших капустных листах. И мне хотелось есть. Я отползал от гнезда и мчался домой. А поевши, снова оказывался у гнезда.

Тут, под кустом полыни существовал для меня целый загадочный мир. Шла жизнь моих знакомых, которых кто-нибудь как бы не обидел без меня. И я радовался сильно, что и гнездо, и птенчики так хитро замаскированы жаворонком, и что жаворонок этим помогает мне в охране его домика. По-

тому птенчиков никто и не обижал. Хотя слонялись по пустырю блудные козы, забредали отставшие от стада коровы.

Утром вставало солнышко и сразу принималось греть малышей в гнезде. Когда же становилось жарко, то куст полыни закрывал гнездо своей тенью. Под вечер снова тень сползала с гнёздышка, и гнёздышко опять обогревалось теплом остывающего солнца.

«Вот это да! – сообразил я в какой-то день своей охраны. – Как ловко сделано гнездо! Ой, как придумал жаворонок согреть своих птенчиков!» И ещё я понял, почему жаворонок устроил гнездо под полынью. Потому что полынь никакая скотина не ест. Даже собака, как-то забежавшая сюда, на бегу вдоль и поперек вынюхивая пустырь, брезгливо протрусилась мимо куста полыни. Мимо меня, перетрусившего при виде этой собаки.

«Значит жаворонок со своей семьёй под полынью-то как раз и вне опасности! – обрадовался я новому своему открытию. – И нечего мне было лежать у гнезда целыми днями. Может я ему как раз и мешал больше всех».

Но мне не хотелось чувствовать себя виноватым перед жаворонком, и я сразу же придумал себе оправдание: «Да не-э-т, вовсе не зря. Я же ведь охранял мало ли от кого. Не только же от коров и коз... Да мало ли от кого охранял».

А потом я три дня не был у гнезда. Мы с ребятами прокупались целый день на озере. А уже вечером я слёг больным. От солнечного перегрева. А на четвёртый день, когда я спал

один на чердаке, меня разбудил страшный сон. Приснилось, что к гнезду подступает свинья. Она копала рылом землю на пустыре и быстро продвигалась к кусту полыни, под которым сидели в гнезде «мои» птенцы. Свинья косила злыми глазами и пускала слюни, громко хрюкала и с наслаждением чавкала, предвкушая жаворонят.

Я вскочил и, не помня себя от жалости к жаворонковому гнезду, помчался к пустырю. Меня обливало солнечным теплом раннего утра и наполняло мычанием коровьего стада, которое шло по селу, направляясь на луг.

Когда я, запыхавшись, подбежал к гнезду, меня остановил сильный многоголосый писк и тревожные крики жаворонка, трепыхавшего крыльями над кустом полыни и зависшего на одном месте...

«И вовсе это не сон!» – пронеслось у меня в голове. – Я немедленно осмотрелся вокруг, ища свинью, которая заставила жаворонка кричать и трепыхаться. Но никого вокруг не было. А была сильная тишина. И эту тишину словно раскалывал на кусочки суетившийся жаворонок.

Вдруг вслед за криком и писком из гнезда выскочили и, подпархивая крылышками, спотыкаясь через комья земли и ветки, врассыпную стали разбегаться уже оперившиеся птенцы. Разбежались по пустырю, затаились кто где, будто их тут и не бывало. Превратились в настоящих невидимок. И мама-жаворонок тоже юркнула в высокую траву пустыря и смолкла.

Мне было жалко и одиноко возле ещё тёплого их гнёздышка. Но вскоре...

«Так это же птенцы покинули гнездо, потому что выросли! – понял я. И моя жалость сменилась радостью. И они теперь уже не просто птенцы, а настоящие жаворонки!»

Ещё несколько дней, и окрепнут они, и тоже взовьются в небесные выси со своими хрустальными песнями. И теперь уже не одним жаворонком, а многоголосой их песней огласится наше село.

Я тихо побрёл от осиротевшего куста полыни, снова охваченный печалью от расставания. Но печаль моя была светлой, и сквозь неё пробивалась радостная надежда. Я представил себе, как мы по весне выбежим с ребятами закликать жаворонков. И на мой голос прилетят «мои» жаворонки. Уж меня-то они обязательно узнают!

Жаворонки. Колесова Саша, 13 лет

ИВУШКА

Ивушка. Васильева Вера, 15 лет

Стоят ивы зелёные, чистые, точно к празднику нарядились. Дунул ветерок серебром их окатило. Листья у ив с одной стороны будто зелёным воском облиты, а с другой белые, пуховитые.

– Смотри, дедушка, показываю я, – дунул ветерок, и листочки – рраз! и повернулись все белой бархатной стороной. Будто ладошки ива выставила. Как защищается от кого, правда?

– Правда, согласился дедушка. – Да так оно и есть. Защищается. И защищает.

– Кого она защищает?

– А где как не в мелколесье, – хитро прищурился дедушка, – услышишь лучших пернатых певцов? Вся весенняя кулижка сюда собирается. В её зарослях не страшны им никакие хищники. И от непогоды певцы добротнo укрыты. А стол тут для любого накрыт. Селится-то ива там, где вода есть по ручьям, по озёрам да рекам. А где вода, там и корма на всех хватает.

Как не запоёшь, когда все вокруг хорошо, и в доме достаток.

КАК ПОЮТ ДРОЗДЫ

Как поют дрозды. Зимина Юлия, 18 лет

В эту зиму в наших окрестностях объявилась стая волков. Они зарезали несколько коров и овец прямо в их загонах. Я за свои пятнадцать лет ни разу не слышал, чтобы волки водились у нас. И от старших никогда не слышал такого. Снега наши зимой, в тайге и в горах особенно, до шести метров достигают. По таким снежищам волкам не прокормиться. А эта зима выдалась малоснежной. Да в соседней области летом тайга горела. Большая беда прокатилась по соседнему краю.

Спасаясь от огня, пришло в нашу тайгу множество белки, медведя, куницы, соболя... Запуганные пожаром белки со-

всем страх потеряли и в самом селе по деревьям скакали. Наши сельчане их даже с рук кормили. Медведи, не сумевшие залечь на зимнюю спячку, так обнаглели, что собак с привязи во дворах средь бела дня срывали.

По району была объявлена тревога, и в Правлении нашего совхоза со всего района собрались охотники, чтобы обсудить загонную охоту на волков.

Я и Петька Каркавин тоже пришли на собрание. Просто послушать, а там, если повезёт, то и в охотничьи бригады попасть. Мы с ружьями-то с Петькой уже умели обращаться. Глядишь, на какой-нибудь подхват бригада возьмёт. Всё равно каникулы зимние. Ведь охота с флажками! Невидаль для нас.

После деловой части собрания я услышал разговор о дроздах, хоть это была и не зимняя тема.

– Дрозды поют? – усмехнулся городской охотник при дорогой двустволке и поскрипывающем от новизны патронташе. – Скажи, орут да галдят. Нашёл певцов!

Он насмешливо посмотрел на Ивана Кузьмича, нашего сельского охотника, когда тот сказал, что пришлые куницы всех наших дроздов с лета поразогнали. Теперь весной дроздовых песен не услышишь.

– А как тогда поговорку понимать: «Во дрозда даёт!» – вступил в разговор Петька Каркавин, чтобы поддержать Ивана Кузьмича.

– А ты окажись возле их гнёзд, – с насмешкой повернул-

ся к нему городской, – Да не дай бог, к одному из них сунься. Тут тебе вопли, словно целому стаду кошек хвосты прищемили. И жидким в тебя застрочат. Вот они тебе и дают дрозда, снисходительно похлопал Петьку по плечу городской охотник. – Терпеть не могу дроздов. Всю дичь распугают своим треском. Ну тогда уж и сами в ягдташ извольте. Мясо у них тоже ничего...

И «охотник» картинно прищёлкнул пальцами.

– О-о! – разочарованно протянул Иван Кузьмич. – Да ты хоть слыхивал дроздов-то, город? Ты апрельскими зорями – то в тайге хаживал хоть?

«Город», – то есть городской охотник, – с превосходством отмахнулся от Ивана Кузьмича, как бы вынес приговор: «С тобой толковать – зря время тратить». И отошёл к столу, записываться в создаваемую бригаду.

Был ранний апрель дружной в том году весны. Реки уже согнали льды, а в лесу оставались островки набрякшего зернистого снега. Ночной морозец наработал по всем лужицам стекольные картины. Тишина. Подминаю ногами ледяные оконца, и они звучно колются, выбрасывая на сапоги холодные брызги. Утренняя заря уже всю хвалилась Солнцем, с бирюзового неба невидимой рукой тоже, как и я, обламывавшим ледок, и то тут, то там слышалось его похрустывание. Доносится нетерпеливое гудение пчёл, возящихся в золотисто-жёлтых барашках верб, жадно пьющих небо и зем-

лю.

Невдалеке высокая сухостоина. И ту сухостоину точно враз на много частей разодрало: тр-р-рррррр! Я глядь – щёголем скачет по сухостоине дятел! Малиновые галифе, пунцовый околыш на шапке. Брачную песню свою барабанит, показывает будущей подружке: вот какое у меня вооружение, смекай, со мной не пропадёшь.

Над головой прошла и направилась к пойменному лесочку над речкой Агазой стая дроздов. Тех самых крикливых деряб, которые первыми встречают человека в лесу и откровенно выражают ему своё недовольство. Но вот сейчас я отмечаю деловитость в их полёте, собранность. А в следующую секунду с неба полились переливчатые трели. Сперва даже опешил, поняв и изумившись, что эти трели исходят... от тех самых неуклюжих и шумных деряб.

А со склонов гор, в распадке которых и бежит Агаза, то с одного, то с другого в тот пойменный лесок слетали стаи этих же птиц, перелетали с одного склона на другой и, на лету рассаживаясь по осиннику, заливались трелями, поквотывали, высвистывали флейтово, и лес наполнился жизнью, пробуждением.

«Выходит, поют дрозды!» – возликовало моё существо. – Конечно, это не соловьи, не малиновки... Песня их, может, и не трель даже, как я с радости прибавил им хвалы, но как будоражит послезимнее оцепенение леса! Вот они, флейтовые свисты, нежное щебетанье, прорывающиеся сквозь

их же вопли...

Бреду дальше по лесу. Мячиком отпрыгнет от осинки пташка, зависнет как привязанная, покупается в солнечной голубизне, прозвенит школьным колокольцем и снова на тот же сук скатится, трепеща крылышкам, точно протиясь невидимой нити, стягивающей её вниз. Лесной конёк поёт. Тысячу раз в день взлетит и опустится на своей невидимой нити.

Шепчут и булькают ручейки из-под снега, чмокает, впитывая влагу, лесная почва. Сколько звуков в весеннем лесу, сколько голосов! И каждый в отдельности слышен, хорошо различим в нескончаемой симфонии. Всем весна свои струны в человеческие души вверяет.

Кто-то запустил по тоненькому льду камешек. Весело мчится-поскакивает по прозрачному стеклышку тот камешек. А вдогонку ему, шаловливому, поигрывает зыбью тонкий ледок и звонко колется. Но только нету воды. А значит, нету и льда в той стороне, откуда слышатся звон и хруст. Поворачиваюсь на звук. Там за речкой гора, среднеростовой ельник, да молодые берёзы. Ах, вот оно что! На самой вершинке ели уселась птица. И «колет» ледок.

«Раз садится на самую вершину, то близко не подпустит. Для того и села, чтоб всё видеть. Я уж две весны пытался подобраться к этой птице поближе, – узнаю я свою знакомую. – Сколько применял хитрости, к ней подкрадываясь. Напрасно».

По раннему апрелю она «ледок колет», точно помогая весне скорее от него избавиться. А позже станет тихое ржанье жеребёночка в лесу слышно. А всё это соловей-свистун выводит. Эта самая птичка, моя знакомая.

Мощно, расколисто огласился лес: «Спиридон-Спиридон-чай-пить-пить-чай!» Почувствовалось, как сразу заволновался лесной народ. Что-то где-то притихло и насторожилось, что-то, наоборот, вспугнутое, себя выдало. Огляделся хорошенько, да вот это кто! В бинокль – так рядом... Сидит на вершине берёзы, что в полусотне метров от меня шагнула на середину склона, большая птица и кричит-старается. Да на сколько голосов кричит-то. То с вызовом, то с самолюбованием, передразнивает, ложные тревоги подаёт кому-то. И после каждого оглушительного на весь лес выступления своего оглядывается с явным удовольствием. Словно красуется перед всем лесом: «Ну и как я умею»? Посидит, полюбуется собою и: «Сспиридон-спиридон-уберррр-рите, убер-рррри-те, – приказывает властно и тут же печально и протяжно засвистит: и-тю-тю-ууу». И заквахчет: «Квеве-веччч». А с противоположного склона не менее властно: «Спиридон-спиридон, кто-приходил-кто-приходдил, уе-ддим, у-ед-дим». И засвистел разбойно. И тут же снова: «Виж-жу, виж-жу...».

И те самые дерябы, рассевшись по деревьям, рассыпаются свистом, клохтаньем, похохатыванием, стонут, изнывают, взвизгивают. А две «спиридоны» вдруг зажаловались на что-

то и тут же издеваются, причитают, как кликуши.

Как я ни старался, близко меня «спиридоны» не подпустили, хоть и до изнеможения за ними набегался. Но в бинокль удачно удавалось ловить. Гляжу. Как могу зарисовываю. Но больше всего стараюсь запечатлеть их в памяти. Основные приметы в записную книжку заношу, с надеждой тайной, что всё равно дознаюсь, с кем я имею дело сегодня.

Дознался. Это оказался... певчий дрозд. Самый звонкий и самый многоголосый из дроздов. Вот каков он, наш пересмешник!

Я давно уже «охотился» на дроздов и немало знал про них. Но дрозды для любозная это большая книга с бесконечными тайнами и находками. Семья дроздовая очень большая. У нас можно видеть ещё дрозда-рябинника, сибирского дрозда. И уж совсем неожиданным было мне когда-то узнать, что самые звонкие певцы наших садов, лесов и полей соловьи, варакушки, малиновки это, внимание! Дрозды!

Малиновка. Песня у неё звонкая, продолжительная да переливчатая. В весеннем лесном концерте нету певца замысловатее её.

Певчего дрозда у нас зовут соловьём-пересмешником. Только вот в наших кузбасских краях он гость нечастый. Так же как и соловей-свистун. И как же хорошо, что оба этих дрозда всё-таки навещают к нам.

Только теперь я понял, каким счастьем одарила меня судьба, подарив в этот раннеапрельский день встречу с дроз-

дами.

Все дроздовые – певцы отличные и, как магнитофоны, с первого подслуха запоминают чужие песенные находки. Но непревзойдённый пересмешник среди них варакушка. Птица для наших мест обычная.

С началом таяния снегов прилетает к нам дрозд-белобровик. И если он исполняет только скрипучую трель, значит, это пролётный. Настоящую песню он поёт только в местах гнездования. Как и все дрозды вообще. Африка, например, где зимует наш соловей, знает его только как серенькую хмурую птичку, постоянно хоронящуюся в кустарниковых крепях. Не поёт на чужбине наш милый соловей. Не поёт! И только к нам, на свою милую родину, он песенную радость приносит.

Наиболее голосисты дрозды на зорях. Зная это, я ранними веснами ухожу в леса затемно.

Чинно рассаживаются дрозды по деревьям, и в соревнования включаются все. В каждом лесу своя песня, свой установленный лад. Дрозды-белобровики и певчие дрозды быстро усваивают манеры лучшего исполнителя. Любители дроздового пения умеют по голосу птицы опознать даже конкретного дрозда. Вот этому я всегда и стараюсь учиться, отправляясь лес. Ах, как тут нужен бинокль! Нужен блокнот с карандашом для зарисовок.

И у нас в Горной Шории известны курские соловьи. Да что там Кузбасс, Россия... Россия, на весь мир они нас про-

славили!

«А почему именно курские, а не сибирские?» – задумался я и долго выяснял это. Оказывается, просто повезло курянам. Обычно соловей выдаёт с десятков колен. А в каком-то веке в Курске, оказывается, появился соловушка, который более сорока колен насобирал в свою пению...

И скоро весь соловьиный народ перенял у несравненно-го собрата его коленца. Но... грянула взрывная мода на соловьиное пение. И поывловили всех соловьиных «шаляпных», и попродали их по всему миру. И закатилась слава курских соловьёв.

Эх, встретиться бы мне теперь с тем городским охотником, который про дроздов и знает лишь то, что они налетают на обидчиков стаями и жидким помётом его...

И правильно относятся, думаю я, дрозды к таким «охотникам».

Как поют дрозды. Зимина Юлия, 18 лет

ЛОСИНЫЙ РОДНИК

Лосиный родник. Лазарева Даша, 15 лет

– Вот и настоящая весна, – распахнул дверь в избу дедушка. Он пришёл с земельной комиссии. – Черёмуха по тайге занялась. Прямо пеной польшет. А землю под картошку нынче за Лосиным родником дали.

– Надо глянуть её, – отозвалась бабушка, отжимая над крытом бельё, – возьми вон Витю да и сбегайте по-молодецки то.

– И правда, коли так, – охотно согласился дедушка. – Денёк погожий, а посадочная страда уже вот она.

Возле Лосиноного родника я уже бывал. С дядей Лёшей – Мишкиным отцом. Он брал меня с собой сено оттуда вывозить. А самого родника я пока не видел. Зато знаю, что идти до него долго. Может час или даже больше. Только всё равно не устанешь. Идём-то лугом. Кругом такая красота! Одуванчики из травы золотыми пуговками выглядывают. На лёгких крылышках семена мать-и-мачехи качаются – крохотные парашютики. Колыхнётся низовой ветерок, и разгораются купальницы. Так и пышут жаром. У нас их за это огоньками зовут.

– Ку-ку... ку-к-ку, – несётся из ивовых кустов. Кукушка жалнит. Бабушка как-то говорила:

– Это она по деткам скорбит. Хочется ей взглянуть на своих деток. Да не взглянуть. Нет. Не знают детки кукушки свою мать. И она их не узнает. Вот и горюнится, мыкалка бедная.

– Сама хороша больно, – сказал тогда дедушка, – порастрясла детей, извертелась вся, распустёха...

– Э-э, деданька, – перебила бабушка, прихватывая тряпкой чугунок, – богом заведено: всякая букашка должна матерью быть. Каждой твари счастье материнское отмеряно... а тут не иначе как злая разлучница подколдовала, чтоб не видеть кукушке своих чадушек.

– Бабушка, а кто она такая, эта разлучница злая?

– Так вот кабы ведать-знать, – сказала бабушка, налив в блюдце молоко белому, как кипень, нашему коту Арсению, – да не дано никому это колдовство разгадать. И плачет горемычная. И прорастает тот плач «кукушкиными слёзками».

– Знаю, знаю. Цветы такие. Мы с Мишкой за медунками бегали, и Мишка мне показывал кукушкины слёзки. Душистые-душистые.

– Потому и душистые, – погладила бабушка Арсения по его белой спине, которую он тут же выгнул пирогом навстречу бабушкиной руке, – что вся материнская любовь слезой оборонилась.

– Вот бы разгадать-то кукушкину тайну. Найти бы её, разлучницу, и заставить кукушку с её детками свести... Только она куковать тогда перестанет. А как хорошо!

– Э-э, Витенька, никакая печаль желанней радости-то не бывала. Да она от счастья-то, от талана может так запела бы – лес да горы ходуном заходили бы. Потому нет счастья желанней материнского...

– Дедушка, а почему наш родник Лосиным зовётся? –

спросил я, когда мы уже подходили к роднику. – Лоси в нём пьют? Да?

– Пили и лоси. А теперь в нашей глухомани вон какую электростанцию отгрохали. Заводов понастроили. Железная дорога горы проломилла. Линии электропередач тайгу порастолкали. И всё за какой-то десяток лет. Сморгнуть не успели – город вымахал. Наше село со всех сторон окружил. Так что стали мы не то городские, не то сельские.

Лось шума не любит. Да и от греха подальше. Народец-то в городе всякий попадается...

– А почему родник так называется,.. – дедушка затаил в глазах хитринку. – Ты сам попробуй-ка сообразить.

Родник весь ивовой стеной огорожен. Это от него-то и начинается Черемшанка. Речка небольшая. На узких местах хорошо разгонись – перепрыгнешь. А хариусы в ней ходят! Хариусам такая вода – благодать. Ледяная, прозрачная как стёклышко.

Пробираюсь я по тропинке в кустах к роднику. А из травы то тут, то там незабудки. Махонькие такие цветочки. Голубые до чего же! Как будто кто небо в брызги расплескал. И эти брызги то тут, то там вспыхивают, гаснут, снова вспыхивают... ни дать ни взять в прятки со мной играют.

И дедушка тоже за мною пробирается.

Вот он, родник. Взглянул я и ого-го! Вот это чудо! Лось! Лежит лось... И рога, и голова, и ноги всё лосиное. И дышит. Где у лося должны быть ноздри, там вода ключиками. Ды-

шит лось. И всё его тело то поднимается, то опускается. Пух от ивушек всё-всё завалил – шубой лося одело. Под боками «лося» ключики пульсируют. Все вместе они быстро в роднике воду поднимают. Поднимется вода и тут же скатится через края. И побежала уже речкой Черемшанкой. А в роднике вода снова осядет, снова поднимется и снова осядет. И лосиные бока в белой шубе то поднимутся, то опустятся, то поднимутся, то опустятся.

Лежит «лось», отдыхает в ивовом затишье. А вокруг пёночки ручеёчками журчат, горихвостки на все лады разливаются, и золотая птичка юла то и дело вызванивает: «Тюр-люр-тюр-лив-ти-ти-и-и-в, люр-люр-тюр-ли-и-в-люр-ли-ии-ии-ии-ии».

Пауки поразвесили свои сети. А в них пуху набилось! Ну точно пуховые одеяла они поразвесили. Трескучую зиму проводили и поразвесили одеяла, чтоб солнца набирались.

Лосинный родник. Лазарева Даша, 15 лет

РАСКОЛДОВАННЫЙ ПРУД

Расколдованный пруд. Ляшева Настя, 14 лет

Под натиском тепла отухали льды на наших реках и с шумными водами Томи скатились в Обь, по Оби в Северный Ледовитый океан. Ой, как далеко-о-о уже наши льды от на-аа-с...

От совхозного конюха деда Карпа я узнал, что на железную дорогу, по которой к огромной электростанции подвозят уголь и всякие другие грузы, ещё вчера навезли и насыпали щебень. А в том щебне-то бывают такие камешки, ого-го! Вот я вперёд всех и примчался на железную дорогу камешки отыскивать. Набрал их полные карманы и на пруд отошел, что прямо возле этой дороги.

Пруд ещё льдом закован. Со всех сторон его обступили ивы, и даже в него некоторые из них зашагнули. Летом эти ивы постоянно в пруд смотрят и собой любят. Нынешняя многоснежная зима их ветки снегом нагнула и ко льду придавила. Весенней наледью, сделавшей воду прозрачной, пруд и схватил те ивы за концы веток. Крепко держит. И ветки, изогнувшись как луки, кажется, дрожат от напряжения и просят пруд отпустить их, чтоб солнца вдоволь напиться.

Второй день теплынь стоит прямо летняя. И лишь ледовый покров пруда о зиме напоминает. Птицы некоторые уже прилетели, но петь пока не поют. Отдыхают после дальнего перелёта, осматриваются.

Гляжу, трясогузка на пруд слетела, удивлённо посмотрела на меня, склонив головку набок, словно вопрошая: «А ты тут зачем?» и быстро-быстро заперебирала лапками, хвостиком

ком по льду тук-тук и дальше побежит. Бегает она проворно и кричит звонко: «Ци-цив! Ци-цив!». Посмотришь на неё и кажется, что постоит-постоит она, а потом сама себе команду: «Марш!» И побежала: «Ци-цив!»! Марш! И побежала: «Ци-цив»!

Мне тут же вспомнилось, как моя бабушка говорила, что лёд на реках трогается, когда трясогузка прилетит и по льду хвостом ударит.

«В стоячей воде лёд тает незаметно, – думаю я, сравнивая громыхавший ледоход на Томи с теперешним вот необычным спокойствием пруда. – А в пруде лёд тихо сходит на нет. Но почему тогда в народе говорят, что в тихом омуте черти водятся?.. Значит, водятся они и в этом пруду. А что если я...».

От нахлынувшего озорства я маханул на середину пруда подвернувшуюся ржавую железяку, которую на шпалах под рельсы подкладывают. Но в это время трясогузка – «марш!» и помчалась туда, где и упасть подкладке. Я обмер, представляя как трясогузка ударит железяка. Но трясогузка как вкопанная, резко остановилась, шлёпнула хвостом по льду и, увернувшись от удара, подскочила вверх и понеслась прочь с криком «ци-цив! Ци-цю! Ци-цю!»

Подкладка шмякнулась плашмя, взметнув фонтаном ледяные осколки. Это рассыпалась от удара корка наледи, и тут же треск и грохот оглушили меня. Словно я бомбу взорвал.

В ту же секунду на всём пруду начались бурные потрясения! Его ледяную броню разорвало надвое поперечной трещиной, и сейчас же одна половина ледяного поля вздыбилась над другой, зависнув и угрожая рухнуть.

Я увидел, как под отслоившуюся наледь давануло воздух, и он мгновенно задёрнул изнутри белым саваном прозрачный до этого лёд. Точно бельмастый глаз закрыло.

Не выдержав собственной тяжести, зависшая ледяная машина разломилась надвое и рухнула, многократно расколов находившуюся внизу половину ледяного поля, которое тоже грохотало откалывающимися от него частями.

От пришедших в движение льдин вмёрзшие ветки ожили и запрыгали вверх, вырывая куски из державшей их наледи. Метнутые, как из огромных рогаток, распрямившимися ветками, просверкали под солнцем и рассыпались по пруду куски льда. И вот уже весь пруд пришёл в движение. Он трещал, шипел вспучивающимися там и сям льдинами и скатывающейся со льдин водой и дробящейся наледью. Вода и наледь, брызги воды и не слетевшие льдинки на распрямившихся ветках разом вспыхнули тысячами огней, всё засверкало алмазными радугами!

Пруд забурился, задвигался всем своим ледяным телом, и деревья, заступившие в него, засодрогались от ударов льдин, а развешенные на них кусочки льда, только что удерживавшего ивы, загорелись под солнцем тысячами искр, и получалось, как будто ивы шарахают салюты!

«Вот это да! – ликовало всё во мне. – Мы с трясогузкой одним ударом разбили злые чары заколдованного царства! Мы расколдова-а-ли пруд!».

ПЕРНАТЫЕ РАЗБОЙНИКИ

Пернатые разбойники. Базеева Соня, 12 лет

На поселок Ядровый наступили рабочие поля угольного разреза, и он был снесён. Людям хорошо заплатили за их дома, в городе каждой семье дали квартиру. Многие горожане накупили тогда на разбор дома ядровцев и собрали их уже в городе. Кто под дачи, а кто и под жильё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.